

писываемая Олафу во время его пребывания на Руси неприязнь к языческому культу еще до крещения, что как бы подготавливает это последнее; характерны также и его речи по этому поводу, совершенно в стиле церковной назидательной литературы. Приписать ему участие в обращении Руси и посредничество в этом отношении между нею (в лице Вальдамара) и Грецией понадобилось Одду для пушшего возвеличения своего героя; в основе он использовал здесь, с одной стороны, исторические связи скандинавов с Византией и Русью, а с другой — предание о крещении Руси из Греции, которое было связано с именем Владимира и могло быть известно на скандинавском Севере. У Одда была, таким образом, тоже своего рода «греко-варяжская схема», которую он и развивает по своему, не заботясь об исторической правде.

Ограниченность распространения в др.-сев. литературе той легенды, которую мы находим у Одда, объясняется ее содержанием, чуждым сагам исторического характера, и тем интересам, которые они преимущественно отражают. Легендарный элемент отнюдь не исключен и в них, но такая тема, как в данном случае у Одда, не могла встретить особого интереса к себе ни в кругах племенной и дружинной знати, ни среди более широких общественных слоев.

Нет оснований полагать, что это предание было известно на Руси. Что с древне-русской корсунской легендой оно непосредственно не связывается, а тем более — с известным сказанием об испытании вер, достаточно ясно из очерченного здесь вкратце содержания его.

А. И. Лященко в своей работе об OsT сопоставлял, между прочим, следующие два текста: рассказ Лавр. летописи под 955 г. о нежелании Святослава креститься, потому что «дружина... сему смѣяться начнуть», и то место OsT, где Вальдмар не сразу решается отказаться от веры своих языческих предков и родичей; А. И. Лященко усматривал в норвежской (точнее — исландской) саге пересказ народного предания, занесенного норвежцами, служившими на Руси в X в., к себе на родину, а у нас попавшего в летопись. Аналогия эта представляется весьма ненадежной. Во-первых, высказываемые здесь действующими лицами колебания можно рассматривать как одно из общих мест, свойственных подобным повествованиям; во-вторых, вся эта часть OsT, вообще, менее всего обнаруживает живую связь с народным преданием.

Несмотря на всю неисторичность второго русского эпизода OsT Одда и невозможность обнаружить в нем какие-нибудь следы исторической действительности, или, хотя бы, легенд не специфически церковного характера,